

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Раскольца Виктора Владимировича

«ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ (1917–1921 гг.)»,

представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук

по специальности 07.00.10 – История науки и техники

Тема представленного к защите диссертационного сочинения видится вполне актуальной и востребованной одновременно с нескольких позиций. Геоисторический феномен сибирского субконтинента сам по себе примечателен уже тем, что это один из последних макрорегионов планеты, который может похвастаться наличием «белых пятен», всё ещё ожидающих своих исследователей. Впрочем, учитывая ту роль, что играет Сибирь в существовании современной российской государственности, навряд ли эту особенность она может занести себе в актив. Проблема же институционализации сибирских исследований – это не только и не столько задача сугубо научная, сколько вопрос обустройства повседневной человеческой жизни на обитаемой территории, связанный с переходом от острожно-вахтового метода её освоения к формированию дружественного социально-культурного ландшафта.

Помимо этого, на до сих пор ещё не изжитый полуколониальный статус Сибири накладываются процессы глобализации, оборотной стороной своею имеющие тенденцию к регионализации фрагментирующихся государственных пространств. Парадоксальность сибирской топографии относительно мир–системы, состоящая в периферийности и одновременно в трансграничности, содержит в себе как сам «вызов», так и потенциальный «ответ» на него (если использовать предложенные автором во введении категории). В этих условиях перед научным сообществом Сибири, призванном задействовать и рационально использовать её колоссальный геоэкономический потенциал, стоит двуединая задача: найти и занять свою нишу, встроившись в сетевые структуры трансрегионального экономического и культурного взаимодействия, не оставшись на их обочине, и сохранить при этом себя, не утратив свою самобытность.

Опыт Института исследования Сибири действительно уникален, как верно отмечает автор. В данном отношении интересны, прежде всего, механизмы самоорганизации местной научной общественности и выбор новых организационных форм и стратегий научного поиска в экстремальных условиях распада государственности и гражданской войны. Но здесь стоит не согласиться с диссертантом относительно актуализации преемственности научной традиции между дореволюционным и советским периодом, которая представляется весьма спорной. Актуален здесь как раз таки сам новаторский подход, реализовывавшийся в рамках деятельности Института и заключающийся в сочетании государственной и общественной форм организации и управления научными исследованиями. Это же, в свою очередь, который раз напоминает нам о том, что периоды обрушения старых социальных систем всегда объективно чреватны новыми возможностями, определить и использовать которые помогает осознание локальными культурными сообществами (и, прежде всего – научными) собственной субъектности в критических условиях слома эпох.

Оценивая введение диссертации, следует признать, что в целом оно производит достаточно благоприятное впечатление, отражая проблематику исследования и возможности её дальнейшей разработки. В то же самое время, вновь возвращаясь к его разделу, посвящённому актуальности выбранной темы, приходится напоминать соискателю, что актуальность темы исторического исследования определяется не текущей политической конъюнктурой, а соотношением объективного хода исторического процесса и современного ему состояния исторической науки. Также стоит указать и на сомнительное определение объекта и предмета исследования. В авторской формулировке они фактически равны друг другу. Предпочтительнее было бы в качестве объекта определить научные исследования Сибирского макрорегиона, а предметом заявить сам Институт.

Методологические основания работы включают в себя помимо всего прочего и социокультурную концепцию отечественной истории А. С. Ахиезера, объяснительный потенциал и предсказательная сила которой особенно ярко демонстрируются последними двумя десятилетиями. Между тем, беглое упоминание автором основных принципов данного концепта оставляет

некоторые сомнения относительно корректности их применения в рамках настоящей темы. Основной упор в данном контексте стоило сделать не на соотнесении этоса сибирского научного сообщества с критериями «либерального нравственного идеала» и, тем более, не на его противостоянии локализму как симптому архаизации, инверсионно оборачивающейся авторитаризмом, а на медиативной сущности тех практик, что оно осуществляло под эгидой Института.

Структура работы и разбивка её на главы и разделы представляются вполне логичными и адекватно отражающими решение поставленных задач.

В первой главе автор достаточно подробно освещает предысторию появления Института исследования Сибири, как организации, призванной, прежде всего, интегрировать местное научное сообщество, аккумулируя тем самым её научный потенциал. При этом в должной мере освещается деятельность Б. П. Вейнберга – крупного организатора науки, исключительно разностороннего учёного, сыгравшего узловую роль в становлении сразу нескольких научных школ и направлений в Сибири. Подводя итоги главы, соискатель выдвигает достаточно смелый тезис о «безразличии царского правительства к развитию науки». Крайне резкое и вместе с тем размытое утверждение, требующее конкретизации, которой, однако, не последовало. Чуть ниже по тексту на это накладывается положение и о культурной отсталости России, проявившейся в годы Первой Мировой войны. В чём же конкретно проявилась именно культурная отсталость страны в столь специфических условиях, диссертант никак не поясняет.

Конечно, можно согласиться с автором в том, что развитие науки и высшего образования в позднеимперской России зачастую искусственно сдерживалось, наглядным примером чему как раз и является Сибирь. Но, тем не менее, российская наука на рубеже веков, будучи стабильно отстающей периферией мировой науки, являла собой одну из крупнейших и динамично развивающихся её подсистем. Внутренняя периферия имперской науки так же стабильно расширялась накануне войны. Достаточно сказать, что незадолго до этого был открыт Томский технологический институт, что вкупе с университетом существенно повысило региональный научно-образовательный потенциал. В дальнейшем коллектив и даже здания самого института сыграют решающую роль и в деятельности Института исследования

Сибири. По количеству же университетов Российская империя перед войной занимала шестое место в мире, что примерно соответствовало её тогдашнему экономическому потенциалу и политическому статусу и позволяло относить её к пулу великих научных держав.

С началом войны и частичной изоляции от мирового научного сообщества, отечественная наука, как ни странно, претерпела и значительные позитивные изменения: расширился спектр и возросла интенсивность прикладных исследований, что неизбежно приводило к осознанию необходимости перехода к т.н. «большой науке», основанной на принципах централизованного планирования исследований, осуществляющихся на базе сети специализированных институтов. Как верно замечает сам автор, это было вполне в русле общемировых тенденций. В связи с этим, уместнее было бы говорить не об отсталости и безразличии, а сосредоточить внимание на институциональных особенностях российской науки имперского периода и логике распределения научного потенциала, для чего можно было привлечь уже достаточно успешно апробированную в данной сфере модель центр-периферийных отношений.

Вторая глава диссертации столь же детально, как и первая, рассматривает вопросы организации Института исследования Сибири, затрагивая при этом все сколько-нибудь важные аспекты этой проблемы, в том числе и оценивая объём научной работы, проведённой делегатами съезда по организации Института, что, безусловно, свидетельствует о глубине погружённости соискателя в тему.

Наиболее же привлекательной во всём исследовании выглядит третья глава, в рамках которой автору удалось в полной мере отразить как структурную эволюцию Института, так и весь драматизм его положения относительно противоборствующих в гражданской войне сторон.

Самая объёмная четвёртая глава исследования начинается разделом, посвящённым краткому экскурсу в историю сибирских исследований. Приведённая информация, вне всяких сомнений, необходима для понимания направлений и особенностей деятельности Института, но думается, что логичнее было бы поместить её в рамки первой главы, где рассматривались предпосылки возникновения подобного рода учреждения.

В конце же данного раздела ожидалось увидеть некий обобщающий вывод, дающий представление о тех научных рубежах, с которых начинал свою работу Институт, но диссертант признаётся в том, что затрудняется подвести итог и дать оценку предыдущему этапу изучения Сибири, оставляя тем самым многие возникшие по ходу чтения вопросы без ответа. В конце главы он вновь уклоняется от ответа на им же самим поставленный вопрос о значительности разработок Института, что вызывает вопросы о степени выполнения третьей задачи исследования. Практическое отсутствие в явном виде теоретических обобщений основных результатов работы Института вынуждает с недоумением обратиться уже к формулировке цели исследования, включающей в себя не только реконструкцию, но и интерпретацию научной деятельности Института.

Прочтение текста работы вызвало и ещё один вопрос. Во введении, определяя территориальные рамки своего исследования, соискатель оговорил подвижность их характера, обусловленную не только реалиями Гражданской войны, но и разночтениями, имевшими место быть в среде деятелей института относительно границ Сибири. Предполагалось, что в дальнейшем этот аспект, связанный с интереснейшей проблемой определения географических, административных и ментальных границ Сибири, будет хотя бы вкратце затронут, что напрямую увязало бы предмет исследования с механизмами восприятия сибирского геокультурного пространства и стратегиями его освоения. Надежды эти, к сожалению, не оправдались.

Заключение, подводящее итоги исследования, не вызывает особых нареканий. Но опять-таки ощущение некоей недосказанности оставляет обтекаемость авторских формулировок и отсутствие ответов на принципиально важные вопросы, которые автор сам же и ставит. Указывая на альтернативную по отношению к советской практике организации науки сущность проекта Института, диссертант не берётся их сравнивать. Рассматривая Институт исследования Сибири в качестве своеобразного «моста» между имперским и советским модусами отечественной науки и неоднократно подчёркивая их преемственность, обеспечиваемую в том числе и им самим, соискатель признаёт сам факт закрытия Института советской властью точкой разрыва естественного хода развития сибирской науки. Всё это никоим образом не снижает ценность проделанной научной работы, но несколько размывает саму исследовательскую позицию автора.

В основном же представленное к защите диссертационное сочинение производит впечатление вполне самостоятельного и цельного исследования, обладая бесспорной научной новизной и представляя собою достаточно большой интерес в историко-научном плане.

Указанные недостатки не относятся к числу принципиальных и не меняют общей положительной оценки данной работы.

В. В. Раскольников написал оригинальное исследование по актуальной тематике, которое имеет вполне определённое значение, как в научной, так и в практической деятельности. Результаты работы в виде основных теоретических выводов и положений, вынесенных на защиту, представляются вполне достоверными и обоснованными.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации, а сама она соответствует специальности «История науки и техники».

Диссертация В. В. Раскольца «Организация и деятельность Института исследования Сибири (1917–1921 гг.)» соответствует критериям, установленным для кандидатских диссертаций пп. 9–11, 13, 14 действующего «Положения о присуждении учёных степеней», а её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.10 – История науки и техники.

Официальный оппонент

доцент кафедры истории и социальной работы
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники»
(634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; 8 (3822) 51-05-30,
office@tusur.ru, www.tusur.ru),
кандидат исторических наук
(07.00.10 – История науки и техники)

Антон Геннадьевич Костерев

10 декабря 2018 г.

Подпись А. Г. Костерева заверяю

Начальник отдела кадров

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
Отдел кадров ТУСУРа
Специалист
11.12.2018

Handwritten signature of A. G. Kosterev in blue ink over the official stamp.